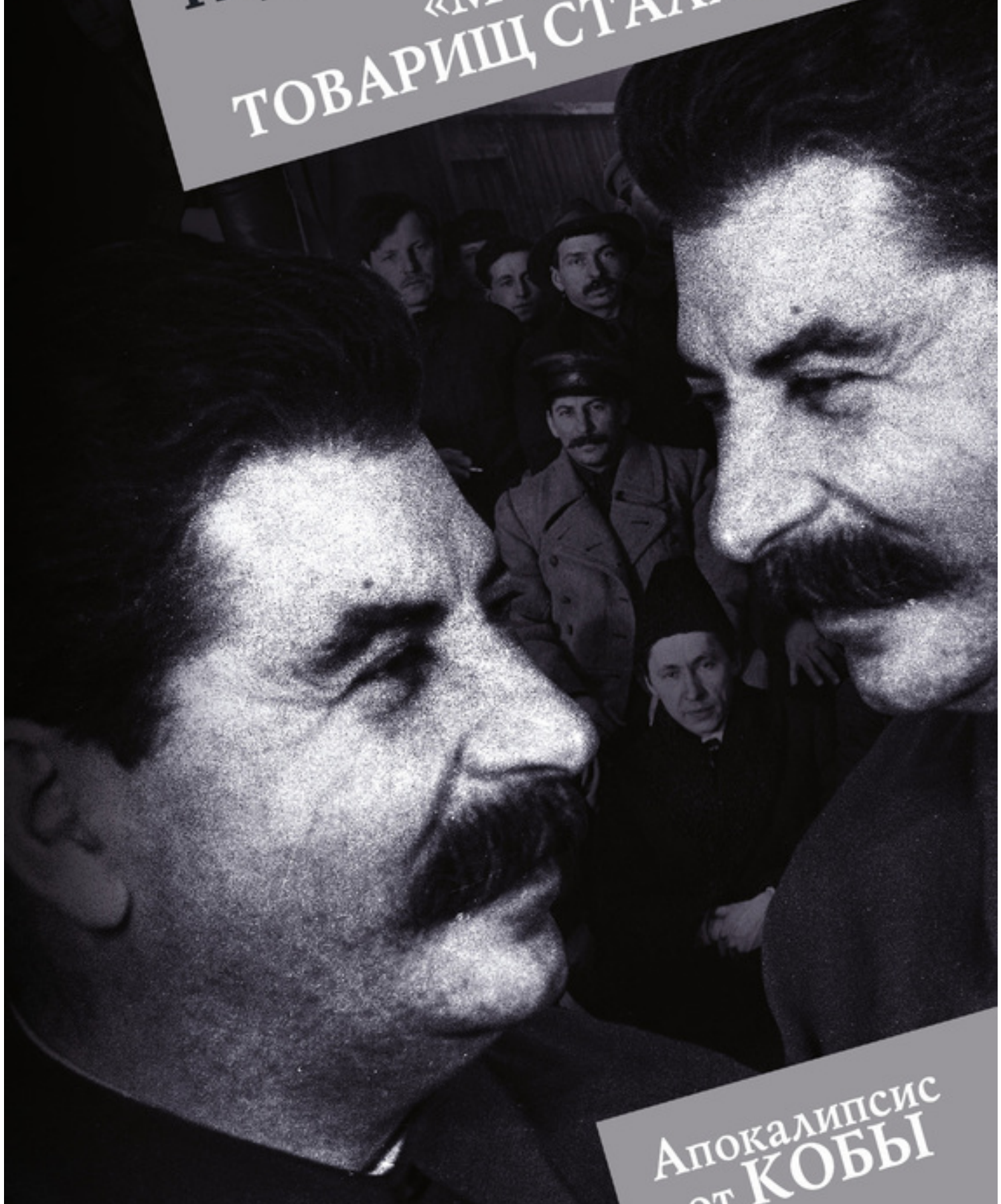

Эдвард
РАДЗИНСКИЙ
«Мой лучший друг
ТОВАРИЩ СТАЛИН»

Апокалипсис
от КОБЫ

Апокалипсис от Кобы

Эдвард Радзинский

**«Мой лучший друг
товарищ Сталин»**

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Радзинский Э. С.

«Мой лучший друг товарищ Сталин» / Э. С. Радзинский —
«Издательство АСТ», 2012 — (Апокалипсис от Кобы)

ISBN 978-5-17-097086-5

Это рассказ человека, который провел всю жизнь рядом с Кобой-Сталиным. (Коба – герой грузинского романа «Отцеубийца» – партийная кличка Сталина). Он начал писать свои «Записки» революционером и закончил в глубокой старости обломком исчезнувшей великой Атлантиды – страны по имени СССР. В них он пытается объяснить себя тогдашнего, который так легко убивал во имя Революции, и описать своего лучшего друга, законного сына нашей кровавой Революции – Иосифа Сталина. Эти «Записки» – голос «России кровью умытой».

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097086-5

© Радзинский Э. С., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Книга вторая	5
Дома	5
Великолепный финал триллера	7
«Земля обетованная» Кобы	9
Гитлер разрушает Европу	12
«Гоминтерн»	14
Загадочное предсказание Кобы	17
Государственный погром в XX веке!	22
Самое интересное!	24
Началось!	26
Падение карлика	27
Феникс из пепла	31
Последняя встреча с карликом	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эдвард Радзинский

«Мой лучший друг товарищ Сталин»

Книга вторая Гибель богов (продолжение)

Дома

Меня привезли домой. Жена бросилась мне на шею. Ее руки и руки дочери обнимали меня. Мои щеки вмиг стали мокрыми – они обе плакали. Я, к сожалению, так и не научился плакать.

Мы вместе выпили чаю, уложили спать Сулико...

Всю ночь жена рассказывала мне свою историю, испуганно глядя на мой шамкающий рот с выбитыми зубами. Хотя со мной, что называется, всего лишь пошутили, после этих шуток я вышел седым, беззубым, похожим на тень. Я похудел на пятнадцать килограммов.

Как я и ожидал, тотчас после моего ареста забрали бедную жену. Ее отправили в Саратовскую пересылку, Сулико отвезли в детский дом. Жена рассказала мне про быт своей тюрьмы. Заключение не помещались на нарах и лежали даже под нарами. Ее и еще нескольких женщин держали в коридоре... Находиться в коридоре считалось большой привилегией, ибо там окна не оборудованы намордниками и можно смотреть на улицу. Но лежать на полу было смертельно холодно. Первое время они спали вповалку, согревая друг друга, потом запретили и это. В пересылке были жены вчерашних владык – Белы Куна, Ягоды. (Последняя – двоюродная сестра моего следователя Свердлова. Там же была ее мать – родная сестра товарища Свердлова, памятники которому стояли по всей стране. Потом их увели, говорили, что расстреляли...) Старуха Свердлова получала письма от внука, которого отдали в детский дом, и читала их вслух. Жена запомнила одинаковое начало всех писем: «Дорогая бабушка, милая бабушка, опять я не умер и вот пишу к тебе...» Жена слушала эти строчки и с ужасом представляла, что переживает наша дочь, которую отдали в такой же детский дом...

Но ужас продолжался недолго. Уже вскоре ее отвезли обратно в Москву. Экскурсия в ад счастливо закончилась. Сказали, что произошла ошибка. В квартире ее ждала наша Сулико, успевшая переболеть в детском доме всеми детскими болезнями.

С этих пор им регулярно выдавали мою зарплату, на нее они жили. Так что не только Фудзи вспоминал о Кобе, но и Коба помнил о своем друге Фудзи.

Итак, я был на свободе. Я не очень понимал, где теперь работаю. И решил позвонить другу Кобе. Меня с ним не соединили. Но Поскребышев сказал обычным, насмешливо бесстрастным голосом, что товарищ Сталин меня непременно примет. Однако произойдет это не сразу, товарищ Сталин очень занят. Что касается работы – пока я должен сидеть дома. Зарплату (прежнюю) мне будет приносить на дом почтальон.

Так я вновь оказался без дела. Я пошел в библиотеку и внимательно просмотрел газеты, вышедшие в мое отсутствие. Точнее, одну газету – «Правду». В ней главные статьи редактировал сам Коба. Остальные центральные издания (их было несколько) должны были повторять ее материалы, пересказывая их своими словами. «Правда» по-прежнему славилась железного

наркома Ежова. Его наградили орденом Ленина – за «исключительные заслуги в деле уничтожения троцкистско-зиновьевских бандитов».

Пока мои коллеги чекисты выбивали мне зубы, страна торжественно отпраздновала двадцатилетие родных органов – ЧК-ОГПУ-НКВД, – отцы-основатели которых один за другим исчезали в этом юбилейном году в бездонной могиле Донского монастыря.

Но как же я изумился, читая отчет об этом праздновании! Происходило оно в Большом театре. Присутствовало все нынешнее Политбюро, *кроме... Кобы!* Он не приехал на *чествование своих любимых «чекистов», своего любимого наркома!*

Всю официальную часть вечера привычно величали карлика. «Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учится у товарища Сталина...» – произнес в официальном докладе Микоян. Думаю, очень испуганный Микоян. Ибо он наверняка понимал: Коба мог не приехать только в одном случае: если начал отстраняться от ежовских дел.

Коба появился лишь после официальной части, во время праздничного концерта.

Неужели «мавр сделал свое дело»?

Великолепный финал триллера

В начале марта тридцать восьмого года в течение десяти дней проходил процесс по делу «право-троцкистского блока»... Перед судом предстали Бухарин, Рыков и их «соратники» по заговору – Ягода (!), ленинские сподвижники Крестинский, Раковский, руководители узбекской и туркменской компартий, главы Народного комиссариата финансов, кооперации, земледелия, медицинские светила...

Этот процесс был финалом пьесы – и концом ленинской партии.

Наверное, все эти вчерашние соратники Ильича думали о том же, о чем думал я: доживи Ленин до этих дней – сидел бы на процессе рядом с ними!

Надо прямо сказать: финал, сочиненный моим другом, был не только захватывающим, но и охватывающим.

Как и положено, в заключение писатель Коба решил объединить все нити сюжета. Оказывается, «левые» – Троцкий, Зиновьев, Каменев и «правые» – Бухарин, Рыков и т. д. лишь делали вид, что боролись друг с другом. Они всегда были заодно. И действовали совместно. По заданию многочисленных западных разведок занимались диверсиями, террором, убийствами, готовили нападение на страну, расчленение нашей великой державы...

Коба был щедр на ужасы. Выяснилось, что Бухарин являлся давним заклятым врагом нашей любимой родины. Уже в восемнадцатом году он собирался убить Ленина и Сталина и захватить власть. Впоследствии вместе с Зиновьевым, Каменевым, Троцким составил невиданный по мощи заговор. Для этого зиновьевско-троцкистско-бухаринские агенты проникли в руководство НКВД. Их ставленником был сам глава НКВД Ягода. Он и его подручные все эти годы прикрывали заговорщиков. Вот причина, по которой так долго не могли их раскрыть. Гигантский военно-политический заговор, как Левиафан, обвинил всю верхушку страны. Заодно с партийными функционерами, работниками НКВД, в нем участвовали знаменитые герои Гражданской войны. Коба ввел в сюжет и любимый элемент детективной литературы – яды. Для этого он легко пожертвовал лучшими врачами Кремлевской больницы (тогда он был здоров и в них не нуждался). Как и положено при сочинительстве, Коба использовал реальность, и в повествовании упоминалась даже секретная лаборатория Х. Кремлевские врачи признались, что по заданию оппозиционеров отравили изготовленными ею ядами руководителей государства и великого пролетарского писателя Горького.

Как и положено, в финале процесс ответил на все недоуменные вопросы страны. Почему так много аварий в промышленности? Не потому, что люди работали на допотопном, изношенном оборудовании. Виноваты вредители. Пятаков – один из главных руководителей промышленности и его многочисленные подручные в руководстве наркомата получали от самого Троцкого секретные инструкции вредить. Почему случились страшный голод и бессудные расстрелы в коллективизацию? Здесь по заданию Бухарина тоже поработали вредители. Нарком земледелия Чернов прославился террором в деревне в тот период. Не беда, что все в нашей партии знали: Чернов и Бухарин ненавидели друг друга и боролись друг с другом. Коба научился переделывать прошлое. И вот уже сам Чернов рассказывает на процессе, как, будучи тайным сподвижником Бухарина, вредил по его заданию. Надо было объяснить народу, почему в стране побеждающего социализма так плохо с самым насущным. Отчего периодически исчезают хлеб, масло, сахар... И вот уже глава Центросоюза Зеленский подробно описывает, как умело создавал продуктовый дефицит и очереди в магазинах... по заданию Бухарина – Троцкого!

Все процессы начались с убийства Кирова. Все это время рядовые партийцы не переставали шептаться (это при царе можно было говорить вслух, а у нас – только шептаться). Недоумевали, болезные: почему так подозрительно странно погиб хозяин Ленинграда? И вот теперь все разъяснилось. Оказывается, убийство организовали Ягода и его ставленники в НКВД!

Опять же по заданию Зиновьева – Троцкого – Бухарина! Вот о каких безднах человеческого падения узнала страна. Блистательное завершение долгого повествования!

Процесс, подобно предыдущим, прошел как по маслу. Я читал о нем в газетных отчетах. Мой несчастный сокамерник и все участники, знаменитые старые большевики, с подробностями рассказывали, как они губили Страну Советов. Ягода во время процесса вдруг встал на колени и заплакал. Просил сурово покарать его.

Только Крестинский отказался от показаний, данных на следствии. Но уже на следующий день объявил, что это произошло от стыда... Нелегко, дескать, отвечать публично за свои страшные деяния. Думаю, и эту детальку сочинил мой взыскательный друг, автор триллера. Больно уж недоумевали на Западе, читая о покорных признаниях обвиняемых...

12 марта процесс подошел к концу. В своей заключительной речи «любимец партии» признал свое участие во всех этих ужасах, правда, как бы между прочим сказал, что «признание обвиняемого есть средневековый юридический принцип доказательства вины».

13 марта Бухарина, Рыкова, Ягodu и почти всех остальных участников процесса приговорили к расстрелу.

15 марта приговор привели в исполнение...

Коба, знавший о мечтах и страхах Бухарина, был беспощаден до конца. Бедному Бухарчику не позволили проститься с женой. И его расстреливали последним. Коба дал ему время много раз пережить смерть...

Я представил, как его свели в расстрельный подвал. Как он увидел валявшихся в углу, с бирками на ногах. И что испытал этот несчастный.

«Земля обетованная» Кобы

Коба неустойчиво трудился, уничтожая прошлое.

Расстреляли эсеров. «Краса и гордость русской Революции» – бесстрашная террористка Мария Спиридонова, и непримиримый борец с эсерами, ее враг – шеф жандармов Джунковский, и министр юстиции Временного правительства Малянтович, укрывавший у себя большевика Антонова-Овсеенко, и сам большевик Антонов-Овсеенко, объявивший низложенным Временное правительство, и царские генералы, признавшие советскую власть, и царские генералы, ее не признавшие, и боровшиеся с этими генералами знаменитые герои Гражданской войны, – все отправились в особые тюрьмы НКВД, в этот ноев ковчег, где было «каждой твари по паре». И все они были расстреляны.

Добили прежнюю кремлевскую верхушку – членов Политбюро Рудзутака, Косиора, Постышева. Шла прополка моего ведомства. Получил свою пулю и великий выдумщик гололомных операций чекистов – Артузов...

Артузов, Москвин-Трилиссер, Агранов, Мессинг – расстрелянные отцы нашей спецслужбы. Все они были моими руководителями в разные годы. Жаль, что я так и не успел написать о них подробнее. Нынешний мой рассказ об их убийце – о моем великом друге.

Уничтожение велось тотальное. Пока я сидел, железный нарком Ежов (читай – Коба) выпустил приказ № 00447. Я прочел его, уже вернувшись на Лубянку. Оказалось, с 5 августа 1937 года все начальники провинциальных управлений НКВД проводили фантастическую по размаху операцию.

Были арестованы *все* антисоветские и социально опасные элементы. Сюда вошли еще не арестованные или арестованные прежде и выпущенные на свободу аристократы, царские чиновники, кулаки, эмигранты, вернувшиеся в СССР, церковники, сектанты. Их бессудно судили «тройки» – местный руководитель НКВД, местный партийный руководитель, местный глава советской власти или прокурор.

«Тройки» имели право выносить смертный приговор, не считаясь с нормами судопроизводства. Подсудимый при решении своей судьбы не присутствовал. Суды «троек» занимали все те же десять минут: расстрел – первая категория или от восьми до десяти лет – вторая.

Мечта безумного Ткачева окончательно стала явью...

Осужденные по второй категории (всего лишь (!) восемь-десять лет) отправлялись в лагерь. Небывалая в истории армия новых рабов поступила в это время в распоряжение ГУЛАГа.

Прошел месяц после моего освобождения, когда занятый истреблением прошлой жизни Коба наконец-то вспомнил обо мне...

Я вновь шел по второму этажу Кремля, по красной ковровой дорожке, к его кабинету.

В приемной, как и раньше, трудились три неприметных человека. За центральным столом – начальник Секретариата Кобы Поскребышев – в зеленом кителе, с яйцевидной лысой головой. У него по-прежнему тихий бесстрастный голос. И две интонации – равнодушно-насмешливая или бесцветно-сухая:

– Товарищ Сталин вас ждет.

Вошел в знакомый кабинет. Коба сидел за столом, на котором, как всегда, были аккуратно сложены бумаги. Привычным кивком показал мне на придвинутый к его столу длинный стол, покрытый зеленым сукном.

Я сел. Он напротив. Трубка в согнутой левой руке. Чиркнул спичкой, закурил.

Спросил весело:

– Говорят, сильно шпионил в пользу Японии?

Я промолчал.

– Хочешь поехать отдохнуть после ежовского санатория? – и, вздохнув, прибавил: – Ошиблись мы в твоём (!) Ежове. Надо тщательно проверить этого господина. Думаю, товарищ Берия сумеет это сделать... Ты ведь знаком с Лаврентием? Он скоро будет в Москве...

(Значит, карлику конец!)

– О подлеце... – (Бухарине) – расскажешь подробнее. Мы ведь тебя в командировку к нему послали. Жаль, конечно, что зубы выбили. Переусердствовали – строгая организация... А может, чтоб выглядел правдоподобнее. – Он прыснул в усы.

– Он очень боялся смерти и очень был предан тебе, Коба. – И я начал рассказывать.

Он прервал брезгливо:

– Это все он мне написал, и эту ложь я уже читал. Запомни правду: он убил Надю, оставил меня вдовцом, а моих детей – сиротами. И почему-то думал, что это ему сойдет. Я его в свою квартиру поселил. Думал, раскается, а он... спокойно ебался там со своей молодой жопой. В Париже тотчас побежал к меньшевикам – говорить про меня гадости. Причем такие, что даже ты испугался мне передать. Он же типичная баба. И как все бабы – проститутка. Сегодня со мной, завтра с Зиновьевым, Каменевым или Даном. Выпусти его из тюрьмы – и все повторится. Товарищ Сталин прав? – Он яростно поглядел на меня.

И я ответил:

– Ты прав, Коба.

Но он понял, о чем я думал. И сказал:

– Надо было подержать тебя *там* парочку годков, чтоб до конца осознал, как нужно ценить жизнь на воле...

Я шел по Тверской (теперь она называлась улицей Горького). На меня смотрели все те же огромные плакаты, где гигант Ежов душил многоголовую гидру. А сам он уже был обречен.

Первые дни после освобождения я очень мучился, стоит ли идти к бухаринской жене. Но вскоре узнал, что мучился зря – идти было не к кому. Все жертвы бедного Бухарчика были напрасны, ее арестовали следом за ним. Он, несчастный, все посылал ей письма, которые оставлял у себя следователь Андрей Свердлов, окруженный собственными убиенными родственниками.

В нашем подъезде Дома на набережной было, если не ошибаюсь, тридцать две квартиры, и на дверях двадцати девяти уже красовались печати – хозяев арестовали.

Вернувшись, я поначалу просыпался каждую ночь, пугая криком жену. Снилось, что за мной пришли.

В сентябре Коба позвал меня на дачу. Он сидел на солнечной веранде. Был веселый, счастливый. Как всегда, начал говорить, будто мы только что прервали беседу. (Будучи церемонным с незнакомыми, он не церемонился с близкими и соратниками. «Обойдетесь без мерехлюндий», – так он любил говорить.)

– Мы тут решили передать гостиницу «Националь» в ведение вашего НКВД. – («Националь» был самой шикарной гостиницей в Москве с окнами на Кремль.) – Так будет удобнее следить за засранцами. А тебе – вербовать...

«Иностранцы – засранцы» – эту шутку он придумал тогда. Теперь коридорные, обслуга становились нашими сотрудниками, что, конечно, облегчало работу.

На столе я увидел только что вышедшую книгу – стенограммы последнего процесса над Бухариным и прочими. Коба заметил мой взгляд.

– «Он тебя любит», – передразнил он меня. – А подлец и здесь оказался двурушником. Мне писал в письмах, что разоружился, а на процессе начал юлить, пытался намекать, что все его признания ничего не стоят. Хотел обмануть нас!

– Что ты, Коба, я читал отчеты в газетах...

– Я же сказал: он хотел... Хотеть-то хотел, да кто ж ему даст. – Он хлопнул рукой по книжке.

Как же я мог не понять?! Все отчеты в газетах, все стенограммы процесса тоже редактировал мой неутомимый трудолюбивый друг Коба!

Он походил по комнате и вдруг сказал:

– Прошло двадцать лет после Революции – только двадцать лет. Когда мы начинали, земля обетованная социализма казалась такой близкой. Через пару лет она показалась нам недостижимой. Ведь так? Но вот сейчас достигли этой земли, осуществили все мечтания Ильича: в экономике навсегда уничтожен частный сектор, а это значит – навсегда покончили с капитализмом, коллективизирована деревня. Жалкую аграрную страну швырнули в индустриализацию. За смешной срок построили каналы, современные заводы, шахты, фабрики. В наших руках – беспрецедентные производительные силы. У нас мощная армия, молодая, единая – кто в этой армии посмеет нынче даже подумать о мятеже? Во главе государства стоит партия. Кто в этой новой, очищенной партии посмеет подумать об оппозиции? Кто в нашей стране посмеет усомниться в господстве этой партии? Небывалое единство нашего общества создано. Вот вам ответ на вопрос: зачем были жертвы. Вам, не понимающим Кобу! – Он весело погрозил коротким толстым пальцем, добавил: – Завтра возвращайся на Лубянку. Все, как прежде. Ты подчинен мне напрямую. Берия об этом знает.

Я ехал домой и думал: «Да, он создал новую страну. И он единственный властелин в этой стране. Но я принадлежал к той, старой, уничтоженной им жизни и партии. Зачем же он выпустил меня из тюрьмы? И на сколько? Что он еще придумал?»

Гитлер разрушает Европу

Отныне у меня было два кабинета – на Лубянке и в наркомате иностранных дел. Официально я числился в наркомате и там теперь в основном и работал. Ходить по коридорам Лубянки было неприятно, я слишком хорошо помнил, как меня водили на допросы.

В это время Гитлер начал осуществлять обещанное в «Майн Кампф».

Захвачена демилитаризованная Рейнская область! Гитлеровские генералы в страхе ждали военного ответа, но Европа стерпела! Захвачена Австрия! И опять Европа проглотила. Из европейского порядка, определенного Версальским договором, Гитлер начал вынимать краугольные камни.

Следующим выбитым камнем стали Судеты. (Они были переданы Чехословакии по Версальскому миру. В этом красивейшем горном районе проживало в большинстве своем немецкое население.) Гитлер помнил фразу Бисмарка: «Кто владеет Судетами, владеет Центральной Европой». И уже вскоре его агенты подготовили мощные демонстрации немцев, проживавших в Судетах. Гитлер инсценировал вспышки насилия, в геббельсовской прессе печатались истеричные материалы о зверствах чехов над поработоченными немцами, немецкая партия в Судетах организовывала стычки с чешской полицией... Все закончилось восстанием судетских немцев и его разгромом чехами. Гитлер немедленно выступил защитником угнетенного меньшинства. Он предъявил ультиматум «угнетателям-чехам»: Судеты с немецким населением должны вернуться в лоно рейха!

Войска Гитлера с мая начали концентрироваться на границах Чехословакии. Он объявил, что Рейх аннексирует Судеты, чтобы спасти угнетенных судетских немцев от зверств чехов.

«Я окончательно решил при помощи военной акции уничтожить Чехословакию», – заявил Гитлер.

Это казалось наглым безумием – территориальная целостность Чехословакии была гарантирована множеством международных договоров, в том числе бессрочным договором с Францией, договором с нами и т. д.

Однако Гитлер не блефовал. Он жаждал войны, этот безумец верил: если англичане и французы поддержат чехов и начнут военные действия, его армия сможет победить. Но генералы фюрера в ужасе сверкали моноклями, выслушивая его речи. И действительно, Гитлер мог выставить всего 1,8 миллиона солдат, чехи – немногим меньше. И если бы к чехам присоединилась одна Франция или мы, не говоря уже об Англии, немцам пришлось бы уносить ноги.

Чешская армия давно готовилась к обороне и была в отличной форме. На горной территории Судет размещалась широко разветвленная система чешских укреплений, считавшихся неприступнейшими в Европе. Недаром Гитлер впоследствии, осматривая эти укрепления, пришел в ужас: «Мы подвергали себя большой опасности. Только теперь я понял, почему мои генералы меня удерживали».

Генералы не только удерживали Гитлера. Как сообщили мои агенты в Лондоне, немецкие генералы Бек и Гальднер – самые талантливые в вермахте – тайно отправили в Лондон своего представителя. Он сообщил английскому премьеру Чемберлену, что если Англия и Франция начнут военные действия против фюрера, они немедленно арестуют Гитлера. С этим представителем встретился глава оппозиции Черчилль и заверил его, что Англия не допустит надругательства над чехами и готова вступить в войну.

Но каково же было мое изумление, когда я получил от информаторов шифровку: в Лондоне после долгих обсуждений в кабинете министров Чемберлен решил не ввязываться в конфликт с Гитлером. В Англии слишком свежи раны прошедшей войны. Как сказал кто-то из правительства: «Мы не можем умирать за города, названия которых невозможно произнести. Умирать за город Брно! Ужас!»

...Чемберлен решил заплатить Гитлеру Судетами за европейский мир. Англия уже начала по этому поводу секретные переговоры с Францией. Европейские демократии жертвовали демократией в самом центре Европы.

– Мы должны выиграть этот мир, – сказал на заседании кабинета Чемберлен.

Он думал тогда сберечь английскую кровь, чтобы... щедро пролить ее уже через пару лет.

Я узнал обо всем этом из надежнейших источников. В Англии на нас тогда работали величайшие агенты двадцатого столетия.

«Гоминтерн»

В истории их будут именовать «кембриджской пятеркой». О них напишут исследования, они станут одной из легенд века...

Их вербовка была триумфом Маркса – Ленина, «пятерку» завербовали не деньги, а идеи.

Досье на «кембриджцев» я получил впервые от своего агента Арнольда Д-ча в тридцатых годах. Именно тогда он появился в Коминтерне. Это был молодой словак, сын бедного учителя. Как и все мы тогда, Арнольд свято верил в коммунистическую идею. Был общителен, знал в совершенстве несколько языков и с восторгом принял предложение стать кадровым агентом Коминтерна. В начале тридцатых мы поселили его в Англии. По нашему предложению он поступил в Кембридж и успешно вошел в студенческую среду. Почему был выбран Кембридж? Трудно сейчас представить, но в этом храме английской науки функционировала мощная и совершенно открытая коммунистическая организация. Да, наш *новый мир* казался этим молодым и дерзким парням миром, способным указать стареющей Европе выход из пошлой обыденности сытой жизни.

Арнольд Д-ч стал там своим человеком и вскоре сообщил в Центр, что среди леваков Кембриджа есть три очень перспективных студента. Так я впервые услышал имена, известные ныне всему миру: Ким Филби, Гай Берджесс и Дональд Маклин. Потом к ним добавились еще двое столь же блестящих...

Действовали мы с ними осторожно. Сначала Арнольд разработал двоих – Филби и Маклина. Берджесса тронуть не решился. Слишком ярким и оттого опасным он показался Центру. Он был открытым геем и хвастался своей сексуальной ориентацией. Коба относился к гомосексуалистам брезгливо. Но досье Берджесса обещало многое. Я захотел проверить его на месте. Вылетел в Лондон.

Как приятно вспоминать первую половину тридцатых! Как легко было работать с молодежью в европейских столицах *до процессов тридцать седьмого года*. Нас тогда любили, нам верили.

В Кембридже царил особый дух. Молодые англичане обожают эпатировать. Все эти наследники Оскара Уайльда (в Кембридже было множество геев) радостно дразнили отцов-аристократов своей радикальностью в политике (коммунисты!) и в жизни (гомосексуалисты!). Помню, как я познакомился с Берджессом. Он являлся членом клуба «Апостолов» – знаменитого, очень закрытого кембриджского клуба интеллектуалов, в основном, геев. Меня представил ему на заседании этого клуба Арнольд Д-ч.

Берджесс отнесся ко мне равнодушно, русский князь Д. был неинтересен английскому леваку.

В тот вечер Берджесс выступал. Он был великолепен. С быстрыми мальчишескими движениями, прекрасно сложенный – этакий английский красавец-сердцеед. Гомосексуализм в Англии был тогда вне закона, но он открыто говорил о своих пристрастиях. Он ими бравировал под аплодисменты зала. Потом перешел к политике. Речь его оказалась пророческой. Он предсказывал быстрый закат Британской империи, зло издевался над буржуазной культурой. Короче, это был интеллектуал самой высокой пробы. Но главное, парень обладал столь нужным разведчику дарованием – умел очаровывать.

Я подробно изучил его жизнь. Несмотря на беспорядочные связи и постоянное пристрастие к бутылке знаменитого рейнского вина «Молоко богородицы», он отменно учился. В отличие от нашего руководства, я сразу оценил важность «Гоминтерна» – так мы называли коммунистов-гомосексуалистов из Кембриджа. Я увидел в них ценнейший резерв для вербовки. Привыкшие конспирироваться, гонимые обществом, они ненавидели это общество. Власть Берджесса в «Гоминтерне» была непререкаема, ибо имела в своем основании ум и секс. Круг

его любовных знакомств был широк. Как я выяснил, он переспал с большинством своих друзей и с несколькими влиятельными молодыми политиками из палаты общин. Берджесс был главным Казановой среди геев. И хотя, как положено Казанове, его связи были непродолжительными, он обладал другой важной для нас способностью – навсегда сохранять привязанность своих партнеров. Даже после прекращения интимных отношений он продолжал заботиться о них – поставлял им любовников, а они – ему. Короче, это был спаянный круг.

Вот так Берджесс и вся троица явились великолепной основой мощной агентурной сети. Сейчас известны имена только пятерки из Кембриджа. Но они – вершина айсберга. Многие герои ушли в могилу безымянными, и я их, конечно же, не называю.

Уезжая из Лондона, я поручил Арнольду Д-чу уговорить Берджесса посетить СССР.

В тридцать четвертом году он впервые появился у нас. Я сумел хорошо подготовить его приезд. Ему показали то, что он так жаждал увидеть, – государство, свободное от рыночного дьявола, живущее идеями. Он встретил здесь энтузиазм и наивность масс, гордую нищету – все, что так нравится воспитанным в роскоши снобам. Приехавший из страны индивидуалистов, он с восторгом принял Коминтерн, этот коммунистический Вавилон единомышленников. Но особенно его пленили открытость и гостеприимство простых людей. Эти простые люди, бесстрашно заговаривавшие с ним на улицах, естественно, были нашими сотрудниками. Короче, он пребывал в восхищении, и настало время познакомиться с ним поближе.

Берджесса пригласили в Коминтерн. Его торжественно принял Иосиф Пятницкий, руководитель отдела международных сношений (на самом деле, как я уже писал, глава всей заграничной партийной агентуры). Пятницкий рассказал Берджессу о десятках тысяч агентов, рабочих и интеллектуалов, которые готовят мировую Революцию по всей Европе.

В этот момент вошел я (шаг рискованный, недопустимый, но впоследствии он себя оправдал).

Берджесс был потрясен. Я поведал ему свою историю – историю грузинского аристократа князя Д., перешедшего на сторону советской власти. Я сообщил ему о сотнях «передовых аристократов», ставших по всему миру советскими агентами. В тот вечер мы много выпили любимого Берджессом рейнского вина, и я спросил: могу ли надеяться иногда на его помощь? Счастливый интеллектуал произнес монолог, который мог украсить нашу главную газету «Правда»:

– Я давно чувствовал, что мои идеалы и убеждения – на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества. Олицетворением этих идей являетесь вы – Советский Союз. Вы лаборатория будущего. Вы строите первое справедливое общество в истории цивилизации...

Когда он закончил, я обнял его:

– Спасибо за великолепную речь! Но ее никто никогда не услышит. Потому что вам, как и мне, придется забыть с сегодняшнего дня о своих убеждениях ради пользы, которую вы сможете принести новому миру. – И объяснил: – У вас, как и у меня, будет особая двойная жизнь. Вы становитесь офицером нашей великой невидимой армии. Мы создаем ее, чтобы взорвать этот сытый, столь бездарно сотворенный мир...

Ради пользы этой невидимой армии мы разработали ему новый имидж.

Вернувшись в Лондон, Берджесс произвел сенсацию среди друзей. Он перестал говорить о своих коммунистических взглядах, начал усердно материть нашу страну. Вскоре стало известно: Берджесс – фашист! В Англии у Гитлера тогда было немало поклонников. Сам седовласый Ллойд Джордж ездил к нему. И вождь английских либералов не заметил ни отправленных в тюрьмы социал-демократов и коммунистов, ни звериного антисемитизма, но увидел, как он сам сказал, «великого человека по имени Адольф Гитлер, который объединил немецкий народ и ведет его к возрождению»... Так что Берджесс вслед за знаменитым англичанином стал «прогерманцем». Вступил в Англо-германское товарищество, посещал прогермански

настроенных аристократов... Он несколько раз выезжал в нацистскую Германию, был своим человеком в немецком посольстве. И уже через месяц мы получили от него первую ценную информацию.

Пора было «закрепить» Берджесса. По моему поручению Арнольд Д-ч встретился с ним, поблагодарил за сведения и официально предложил работать на НКВД. Берджесс, конечно же, без колебаний ответил, что «это для него большая честь и он готов пожертвовать всем ради дела». После детального обсуждения мер безопасности и условий связи у него появился агентурный псевдоним. Тогда он и узнал, что его весьма близкие друзья Филби и Маклин – уже наши агенты.

В это время по заданию Центра Берджесс постепенно оставил свои пронацистские убеждения, ибо слухи о немецких зверствах переменили настроение в английском обществе. Теперь он стал молодым английским патриотом. Блестящий выпускник Кембриджа начал работать в Министерстве иностранных дел...

Повторюсь (в который раз): какое идиллическое было время! В обеденный перерыв многие джентльмены из министерств любили поесть на свежем воздухе. В их портфелях лежали сэндвичи и пиво, они съедали все это в близлежащем парке. И никому в секретнейшем учреждении в голову прийти не могло, что вместе с сэндвичами молодой сотрудник выносил в портфеле важнейшие документы Министерства иностранных дел.

Как правило, Берджесс встречался со мной (если я был в Лондоне) или с Арнольдом Д-чем. Происходили свидания в Кенсингтонском парке. И, сидя на скамеечке и попивая пиво, он преспокойно передавал нам бумаги. После чего их относили на нелегальную квартиру. Он уходил в ближайший паб или дожидался в парке. Пересняв документы, их возвращали ему, а он – в Министерство иностранных дел.

Как я уже рассказывал, несчастный Пятницкий был арестован и расстрелян в тридцать восьмом году. Затем отозвали в Москву Арнольда Д-ча, который также вскоре исчез. Потом посадили меня. Пока я сидел, с кембриджцами работали новые люди.

И вот сейчас от кембриджцев поступили сведения о начале переговоров Чемберлена с Гитлером. Были получены шифровки и от Старшины (нашего агента, главы подпольной сети «Красная Капелла» Харро Бойзена). Оба источника подтвердили сообщение из Лондона: Чемберлен решил отдать Гитлеру Судеты!

Загадочное предсказание Кобы

Уже на следующее утро агент Корсиканец (Арвид Харнак, экономист из министерства хозяйства Германии) сообщил мне, что Чемберлен вместе со своим знаменитым зонтиком прилетел в Мюнхен. Кстати, зонт ему тогда очень понадобился – в Баварии всю неделю шли проливные дожди.

С аэродрома специальный поезд повез его на виллу Гитлера в Баварских Альпах.

Спектакль был продуман. «По дороге Чемберлену продемонстрировали, – писал Корсиканец, – бесконечные составы с военным снаряжением и солдатами, направлявшиеся к границе. Сейчас в Альпах пасмурно, горы затянуты облаками и постоянные грозы. И вид пушек, движущихся под грозовым небом, особенно впечатляет. Чемберлену показали грозное лицо бога Марса». Корсиканец писал стихи, и сообщения его порой отличались излишней образностью, но, к счастью, и точностью.

Чемберлена привезли на виллу Гитлера. Автомобиль остановился у подножия величественной лестницы, которая вела к дому. Чемберлен плохо видел, и когда к его автомобилю поспешил человек со смешными усиками в коричневой рубашке, он решил, что это слуга. И ждал, когда тот откроет дверь «Мерседеса».

Все перипетии дальнейшего позорного предательства, когда Англия и Франция вместе с Гитлером и Муссолини выкручивали руки несчастной Чехословакии, подробно доносили наши агенты в Берлине, Лондоне и Париже.

Здравомыслящие европейские политики предпочли поверить, что добрый Гитлер мечтает лишь объединить всех немцев в отеческом рейхе. Они будто не слышали, как в дни захвата Австрии немецкие штурмовики распевали на улицах Вены: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра – весь мир!»

...Помню, как во время этого кризиса меня вызвали к Кобе.

Коба мерил шагами кабинет. Сказал:

– Чехи прислали запрос о нашей позиции в случае, если они начнут военные действия против Гитлера. Как видишь, война, о которой я часто говорил, – не моя выдумка, как считал ты и расстрелянные говнюки.

– Я никогда не считал так, Коба.

Он только махнул рукой.

– Неискренний ты человек, Фудзи. Как и все вы. Мы написали чехам, что готовы выполнить свои союзнические обязательства и прийти им на помощь. Наркомат обороны уже отдал приказ о приведении в боевую готовность войск Белорусского и Калининского военных округов и о сосредоточении бомбардировочной авиации.

– Но, Коба... воевать с Гитлером в одиночку?

Он посмотрел на меня с усмешкой.

– Прийти на помощь чехам мы сможем, только если Польша и Румыния разрешат пройти нашим войскам. Они, как ты догадываешься, позволят пройти через их территории скорее черту, чем товарищу Сталину. Более того, как нам сообщает разведка, Польша сама хочет отхватить кусок несчастной Чехословакии и ведет тайные переговоры с Гитлером. Сейчас нужны тонкие дипломатические игры. Весь мир должен узнать, что мы одни остались верны Уставу Лиги Наций. Но благодаря этому сукиному сыну... – (о Ежове!) – у нас мало за границей умных людей. – И добавил горестно: – Большую часть наркомата иностранных дел погубил, негодяй... То же – с разведкой. – Он махнул рукой. – Короче, оживи свои кадры. Я ведь знаю, ты многих прикрыл от мерзавца...

Мы пили чай, когда вошла его дочка. Она была в прелестном платьице, очень выросла и похорошела.

– Какую книжку сегодня обязан читать тебе твой секретаришка? – спросил Коба как-то заискивающе.

Она хмуро на него посмотрела и ничего не ответила.

Коба продолжал, стараясь быть веселым:

– Секретаришка будет очень благодарен Хозяйке, если она даст ему сегодня выходной.

Она мрачно ответила:

– Тебе не надоело, папа, играть в эту глупую игру? Мне, честно, давно надоело. Не хочешь читать – не читай. Мне это вообще не нужно!

– А что тебе нужно?

– Я хочу в лагерь на лето с другими девочками. Я хочу...

– Иди спать и позови няню, – резко прервал он ее.

Она повернулась и пошла, почти побежала.

– Ты видел ее? Кто ее так одевает? Платье обтягивает грудь! И кто купил ей это платье?... с короткими рукавчиками... У нее голые руки! А ноги в короткой юбочке – тоже голые! В одних носочках! Она вся полуголая! От нее пахнет бабой, Фудзи!

– Ей двенадцатый год. В ее возрасте у нас выходят замуж...

– Да! Да! – сказал он в отчаянии. – Одна мысль, что кто-то будет... – Почти крикнул: – Ненавижу! И не знаю, что делать!

Вошла старуха нянечка. Он заорал на нее:

– Почему она ходит с оголенными руками, почему у нее не прикрыты ноги? Кто следит за ее одеждой, откуда такое платье? Она у вас на шлюху похожа!

Нянечка перекрестилась:

– Да что ж вы говорите такое, Иосиф Виссарионович?

Уже к ужину Светлане надели шаровары под юбку и купили платье с длинным рукавом. Она билась в истерике, но Коба был неумолим.

Как обычно, она пришла проститься с ним перед сном. Была мрачная, с заплаканными глазами, похожая на мать. Опасно похожая...

Когда она ушла, Коба долго молчал. Потом заговорил:

– Что с ней делать? Не знаю! Ладно, иди домой. Каждый день у меня на столе должен быть отчет, что совершил за этот день товарищ Гитлер.

Итак, чехи будут преданы. Англия и Франция предложили им безоговорочно отдать Судеты Гитлеру. В Судетах не только находилась первоклассная линия укреплений, там была добрая половина чешской промышленности, одной из самых передовых в Европе. Чехи не имели права вывезти из Судет даже курицу. Все доставалось Гитлеру.

За это фюрер клятвенно обещал англичанам и французам не трогать Чехословакию и подписать вечный мир в Европе.

Все это предполагалось оформить на конференции в Мюнхене.

В Мюнхене Даладье, Чемберлен, Гитлер и прибывший на пару дней Муссолини планировали решить все это без нас, связанных с чехами договором. Хотя мы тогда вели переговоры об оборонительном союзе против Гитлера с англичанами и французами, те даже не поставили нас в известность о своем шаге! Они открыто нас игнорировали.

Ночью 30 сентября в Мюнхене Гитлер, Даладье, Чемберлен и Муссолини собрались в Канцелярии фюрера, в этом мрачном здании, построенном в любимом стиле Гитлера – четкий прямоугольник, рассеченный марширующими колоннами.

В эту ночь, ожидая сообщений из Мюнхена, Коба в просмотровом зале в Кремле смотрел любимую комедию «Волга-Волга». Он обожал этот простодушный фильм, видел его раз двадцать, и мне пришлось столько же смотреть его вместе с ним.

В ту ночь в зале были Молотов и только что переехавший в Москву и назначенный заместителем Ежова Берия. Я впервые видел его после Грузии.

Как и положено землякам, обнялись и расцеловались.

– Хорошо Фудзи выглядит, не так ли? Твой начальник ему недавно зубы выбил, но мы удачно вставили протезы, – прыснул в усы Коба.

Берия промолчал. Он был умный, понял, что лишь Коба смеет подшучивать надо мной.

Началась картина. Коба смотрел, как смотрят любимые фильмы простые люди, – пересказывал содержание вслух.

– Гляди... Сейчас этот Огурцов грохнется, – объявлял он. И по-детски хохотал. Ему очень нравилась Любовь Орлова. Ослепительная блондинка – мечта южного человека. – Хороша женщина... – говорил Коба.

Он не называл ее бабой. Для помешанного на женщинах Берии это был приказ: не дай тебе бог ее тронуть!..

Любимая картина закончилась в пять утра, когда наконец начали приходить шифровки от Ефрейтора (еще один наш агент) и Корсиканца.

Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини в половине третьего ночи подписали соглашение. Чехи, которых даже не позвали на конференцию, потеряли драгоценные Судеты и остались беззащитными... В обмен они получили гарантии неприкосновенности остальной территории Чехословакии, а Европа – обещание вечного мира.

Гитлер был счастлив. Как писал Старшина, он выскочил в приемную и к полному изумлению сидевших там двух секретарш прокричал: «Можете меня поцеловать!» И подставил щеку. Его лицо буквально сияло!

В официальной англо-французской ноте говорилось: «Правительства Англии и Франции понимают, насколько велика жертва, которую должно принести правительство Чехословакии во имя мира...» Французский министр иностранных дел, отправляясь к несчастным чехам, дабы сообщить о решениях конференции, громко сказал: «Иду к умирающему, чтобы дать ему божественное причастие».

В полученной шифровке от Корсиканца была цитата из речи Гитлера: «Национал-социалистская Германия не хочет войны уже в силу своих убеждений. И еще она не хочет войны потому, что прекрасно понимает: война не избавит Европу от страха и крови. В любой войне погибает цвет нации. Если кто-нибудь зажжет в Европе огонь войны, значит, он хочет хаоса. Мы же хотим порядка. *Мы хотим быть вместе, чтобы обуздать проклятых коммунистов и навести порядок в Европе*».

Англичанин и француз были счастливы. Ведь они не только везли мир своим народам. В Мюнхене наметился новый союз мечтавшего сокрушить большевизм Гитлера с остальной Европой, также ненавидящей нас.

Я закончил читать сообщения наших информаторов.

Молотов и Берия сидели с подходящими моменту траурными лицами. Коба, посасывая трубку, разгуливал по кабинету. В такие минуты лицо у него становилось старым, изможденным. Казалось, он держал на своих узких плечах непомерную ношу – всю страну. И он, как я помнил, знал ее вес. Я опять гордился своим другом – атлантом Кобой.

Он вдруг обернулся к нам, заговорил:

– Что приуныли? Спрашивается, все ли так плохо? Товарищи Чемберлен и Даладье заключили в Мюнхене соглашение с Гитлером. Эти товарищи говорят: сожри, товарищ Адольф, кусок Чехословакии, только пусть у нас будет мир. Товарищи идиоты уверены,

что этим насытили аппетит товарища Гитлера и ловко натравили мерзавца на нас. А на самом деле? Ну, Вячеслав?..

Как и положено, Вячеслав молчал – умным должен быть только Коба.

– Во-первых, они развязали нам руки, – продолжил Коба. – Мы теперь не связаны ни с кем никакими обязательствами. И имеем право поступать, как нам выгодно для самообороны Страны Советов. И во-вторых: я совершенно уверен, что Гитлер на нас не попреет. Мы велики, у нас триста дивизий, а рядом с ним – маленькие страны Европы и маленькие армии... Их жрать легче, и кровь пустить быстрее... Паршивец Гитлер – особый человек. Поверьте, я его чувствую. Он азиатский европеец. В действительности все эти мирные завоевания его не радуют. У него кровавая душа. Поэтому он топчет беззащитных евреев, и увидите – будет их убивать. Ему нужна кровь! Он жаждет воевать, а ему не дают – уступают. Но без войны и крови он несчастен. Уже завтра он захватит чехов, которых клятвенно обещал не трогать. Потому что не сможет не сожрать легкую добычу. И – следовательно? Он поссорится с англичанами и французами! После этого, уверен, товарищ Гитлер начнет выполнять задание покойного великого Ильича: он развяжет мировую бойню – и обратит в руины капиталистическую Европу!

– И потом бросится на нас... – решил добавить я.

– Не успеет, мудака Фудзи, – усмехнулся Коба. – К тому времени мы сами сможем броситься на него. Ослабленного и обескровленного войнами в Европе! Но прежде, очень скоро, грянут *удивительнейшие события*, вы их увидите... и поразитесь! Эти события уже сегодня вам обещает товарищ Сталин, запомните!

Он походил по кабинету.

– Пока сообщим стране, что капиталисты Европы заключили союз с Гитлером против страны социализма. И мы должны сейчас быть втроене бдительны и работать не покладая рук – укрепить мощь нашей Родины. И продолжать уничтожать троцкистских шпионов!

Я понял: это означало ужесточение условий труда, пополнение даровой рабочей силы ГУЛАГа, продолжение чисток и новые расстрелы...

Уже вскоре был принят жестокий закон об уголовной ответственности рабочих за опоздания и прогулы, им ограничили право менять работу.

Между тем Чемберлен возвратился в Англию спасителем Отечества... Толпы встречали его с восторженными криками: «Да здравствует наш старый добрый Невилл!»

Не выпуская ритуального зонтика, он сказал счастливым согражданам:

– Я привез вам почетный мир!

Рев восторга! Толпа запела любимое славословие: «Потому что он такой веселый парень!»

Столь же радостно Париж встречал Даладье.

Спокойно предав несчастных чехов, население обеих главных демократических стран ликовало! Они избежали крови!

Я перевел Кобе статьи в английских газетах. «Таймс» писала: «Ни один завоеватель, возвратившийся с победой, не был увенчан такими лаврами...»

Только Черчилль нарушил восторги в палате общин. Он сказал: «Сегодня мы потерпели полное и сокрушительное поражение... Диктатор получает на блюде все, что хотел... Все кончено! Молчаливая, объятая горем, покинутая, сломленная Чехословакия погружается во мглу».

– Не посмел сказать «преданная», – отметил я.

– Потому что империалист Черчилль умен, а Фудзи – болван, который до сих пор не выучил азбуку: в политике предательств не бывает. Есть только победа или поражение.

Сегодня у Чемберлена – победа... но завтра – поражение. А у нас... – он засмеялся, – у нас наоборот!

Именно тогда Спортсмен (агент, работавший в рейхканцелярии) прислал сенсационное сообщение. После миролюбивых речей счастливый Гитлер вернулся в Берлин. И, будто услышав моего друга, бегал по кабинету и в каком-то неистовстве орал: «Жалкие людишки... пусть готовятся теперь к своему концу! Близок конец наших вечных врагов. Франция будет стерта с лица земли... Англия, эта хилая, старая нация, изувеченная демократией, последует за ней. Мы непобедимы. Объединение европейского континента под нашей властью – вопрос ближайшего времени. И тогда конец мировому еврейству! А дальше – американский континент!»

Генералы слушали безумные речи, но на этот раз монокли сверкали от восторга. Ни о каком заговоре против гения речи более не шло.

Еще бы! Без единого выстрела всего за пять лет он перевооружил поставленную на колени Германию и не только вернул все, что потеряла после поражения 1914 года... Он прибавил к рейху великую вечную соперницу – Австрию!

Как написал Спортсмен: «Выйдя из рейхсканцелярии, генерал Йодль громогласно сказал: «Те, кто не верил в гений фюрера, переубеждены навечно».

Впереди были победоносные войны, по которым так соскучились настоящие генералы. Все, как предсказывал Коба! Гитлер нацелился уничтожить Европу! Они хорошо понимали друг друга, эти два Вождя!

Я тотчас отправился к Кобе.

Он выслушал сообщение Спортсмена и усмехнулся:

– Что и требовалось доказать!

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю: на самом деле Чемберлен, Даладье и Муссолини парадоксально предопределили крах Гитлера. Жалкие глупцы заставили его окончательно поверить в покровительство Провидения. Он сказал в Рейхстаге: «Я дал работу семи миллионам безработных немцев! Я смог страницу за страницей уничтожить все 448 статей самого злодейского в мировой истории Версальского договора! Я вернул рейху все провинции, отнятые у нас в 1919 году, и на родину вернулись миллионы униженных немцев. Я перевооружил Германию. И все это я сделал, не пролив капли крови!»

По окончании речи началось неистовство: депутаты вскочили, кричали, иные плакали от восторга – это была коллективная истерика любви к фюреру.

Славословить себя Гитлер будет теперь все чаще и чаще. И верить в собственное превосходство – все крепче и крепче. Это безумие картежника, выигравшего огромную сумму и уже не имеющего сил уйти от карточного стола. Он будет увеличивать и увеличивать ставки до тех пор, пока не проиграет все!

Если раньше Гитлер себя обуздывал, то после Мюнхена любимец Судьбы дал себе волю! Отныне для него существовал один закон – его желание!

Государственный погром в XX веке!

7 ноября в Москве шел военный парад по случаю годовщины Великой Октябрьской Революции. Коба стоял на Мавзолее, а я – рядом с Мавзолеем, среди гостей на Красной площади... По окончании я пришел на прием в Кремль.

Коба старался веселиться в эту очередную годовщину главного праздника партии и... самоубийства Нади. На банкет были приглашены актеры: Хмелев из МХАТа и Щукин, исполнявший роль Ленина в фильме «Ленин в Октябре». Коба шутил, вспоминал об Ильиче и разговаривал с Щукиным, как с Ильичом...

Я же занимался своей работой: стоял недалеко от группы дипломатов. Мы завербовали одного очень важного дипломата, но в последнее время он перестал выходить на связь. Своим появлением на банкете я хотел немножечко нажать на него. Он увидел меня, побледнел. Я спокойно прошел совсем рядом с ним... И в этот момент увидел, что посол Франции что-то очень взволнованно рассказывает английскому послу...

Уже ночью я прочел сообщение из Парижа: семнадцатилетний еврей, беженец из Польши, застрелил Эрнста фон Рота – третьего секретаря посольства Германии.

Через день – в ночь на десятое ноября – по приказу Гитлера состоялась знаменитая «Ночь битых стекол», или «Хрустальная ночь»! Такого еще не было в истории: само правительство устроило еврейский погром в собственной стране, после чего открыто ограбило ограбленных, разоренных евреев! Называлось это «стихийными демонстрациями возмущенных немцев».

Я получил подробный доклад от Старшины, где он цитировал полицейские отчеты. Погром шел по всей стране. В один день было сожжено больше трехсот синагог, разграблено и разрушено около семи тысяч еврейских магазинов. Улицы густо покрылись сверкавшим в свете фонарей битым стеклом. Еще до погрома арестовали и отправили в концлагеря тридцать тысяч в основном молодых, здоровых евреев. По всей стране молодежь гитлерюгенда и нацисты радостно избивали беззащитных. При этом католическая и протестантская церкви молчали.

Еврейские организации обязали возместить двадцать пять миллионов марок, которые потеряла от разгрома их домов и имущества немецкая экономика, и заплатить штраф в миллиард рейхсмарок «за гнусные преступления против немецкого народа». Все свои ценности они должны были сдать в счет уплаты этого долга.

«Я не хотел бы сейчас быть евреем в Германии», – насмешливо подытожил Гитлер результаты своей затеи. Фраза тотчас попала в газеты. Так же, как крик Геббельса: «Браво!»

Все это происходило в XX веке от Рождества Христова, в просвещеннейшей христианской стране, на глазах у всего мира. Так что избиение большевистской партии, прежней государственной верхушки, продолжавшееся в нашей стране... уже не впечатляло! Ужас заслонил ужас...

Пока Европа переживала «Хрустальную ночь», Гитлер преподнес еще один новый и главный подарок. Спокойно, наплевав на собственные клятвенные заверения, он аннексировал беззащитных чехов... по их же просьбе! (По просьбе безвластного марионеточного правительства, которое сам и назначил.) Он будто спешил следовать предсказанию Кобы. Богемия и Моравия стали автономной частью рейха.

Фюрер стер Чехословакию с карты Европы без единого выстрела, назвав чехов «позорной расой, недостойной жить в Европе».

Гитлер триумфально въехал в ненавистную Прагу. Если бы мы, мечтая о всемирной Революции, могли увидеть эти плоды Революции двадцатого века! Воистину свершилось: «кто был ничем, тот станет всем». Вчерашний безработный, ночевавший под венскими мостами, теперь ночевал в Градчанах – в старинной резиденции чешских королей!

Мы опубликовали ноту протеста, на которую Гитлер даже не ответил. Бедный Чемберлен сначала заявил в палате общин: «Никакой агрессии не было» – дескать, все произошло по просьбе самих чехов. Но все-таки решил тоже передать ноту, которую немцы попросту нагло не приняли. Послу вернули ее обратно.

Как сообщил Корсиканец, Гитлер созвал своих генералов и, смеясь, заявил, что «жалкие люди с зонтиками» не способны на что-то серьезное.

Однако здесь игрок впервые ошибся. Общественное мнение Англии бурлило, и сохранять хорошую мину Чемберлен уже не мог.

– Этот человек – наглый лжец! – заявил он.

И оказался неправ. То была всего лишь новая политика двадцатого века. Как сказал Гитлер: «Люди плохо верят в маленькую ложь, но хорошо верят в большую».

«Человеку с зонтиком» наконец-то стало ясно то, что давно было ясно Кобе: Гитлер не успокоится. Это значит: на очереди соседка Германии – Польша.

И уже вскоре мы узнали: Гитлер провел секретный разговор с польским министром иностранных дел. Он предложил передать Германии порт Данциг, отошедший к Польше по Версальскому миру... Точно так же совсем недавно он требовал у чехов Судеты. Сценарий чехословацкой трагедии повторялся...

Взбешенный Чемберлен объявил, что, если этот клятвопреступник посмеет напасть на Польшу, Англия и Франция объявят ему войну.

Он терпеливо наблюдал, как Гитлер занял демилитаризованную Рурскую зону, захватил Австрию, Чехословакию; покорно отдал ему вооруженные до зубов чешские дивизии, размещенные в неприступных горных укреплениях, – теперь он сделал то, чего прежде так страшился. Дал право слабой Польше решить, должны ли англичане проливать кровь.

– Глупый человек, – сказал Коба, – приковывает себя к жалкой обреченной польской тачке... – и добавил загадочное: – Но уже очень скоро... Скоро паршивец Гитлер всех поразит... *Впереди самое интересное – уже для нас!*

Самое интересное!

Буквально через несколько дней после этих слов Кобы посол Германии в Москве граф Шуленбург пожелал встретиться с Председателем правительства Молотовым, чтобы «решить вопросы, осложняющие наши отношения»!

Прошло еще две недели, и Корсиканец сообщил, что ведомство Геринга, курирующее экономику Германии, неожиданно потребовало от Министерства иностранных дел реанимировать торговлю с СССР!

В марте 1939 года состоялся XVIII съезд партии.

Как сообщил Спортсмен, в рейхсканцелярии внимательно прочли анализ речи Кобы на этом съезде, отосланный фюреру послом Шуленбургом.

Посол обратил внимание фюрера на то, что речь Кобы впервые больше направлена против Англии и меньше – против Германии! Более того, Сталин объявил, что СССР собирается проводить и впредь политику мира и укрепления отношений *со всеми народами*. И не даст втянуть себя в конфликты *странам, привыкшим загребать жар чужими руками*. «Мы не позволим делать из нас пушечное мясо для капиталистических государств».

Когда я прочел ему сообщение моего агента, Коба поморщился.

– Это уже вчерашний день. Не ловишь мышей, Фудзи! Человек Лаврентия сообщил из Рима... – Он взял со стола донесение: – «16 апреля Муссолини... – (с которым у нас были нормальные отношения), – во время встречи в Риме с Герингом заявил, что следует приветствовать сближение с Россией. Он сказал, что «национал-социалисты в своей борьбе против капитализма и плутократии имеют цели, общие с Россией»...

Надо было видеть усмешку Кобы, когда он прочитал эти слова.

– Поразительно, – сказал я.

– Да нет, закономерно. Нас настойчиво приглашают на танец, Фудзи.

Он походил по кабинету, на лице его было то самое опасное раздумье.

Я в ужасе понял: он решался... Решался принять приглашение на этот проклятый танец! Все мои радикалы-агенты, работавшие на СССР как на последний истинный оплот борьбы с фашизмом, простившие нам за это террор и процессы, перестанут работать, покинут нас! Обрушится моя сеть!

И каково же было мое изумление и радость... Именно в этот момент в кабинет вошел Литвинов – нарком по иностранным делам, который традиционно считался сторонником антигитлеровского союза с западными демократиями.

Коба объявил ему, что сегодня же примет посла Англии...

– В связи с аннексией Чехословакии мы предложим Англии и Франции незамедлительно подписать *военную* конвенцию. Подписавшиеся должны будут гарантировать, – все так же странно усмехаясь, говорил Коба, – безопасность всех государств Центральной и Восточной Европы, которые считают для себя существующей угрозой со стороны Германии. Мы будем рады, если к конвенции присоединится Польша. Сейчас на Политбюро, Максим Максимович, вы доложите о нашей очередной мирной инициативе, направленной против возможной агрессии Гитлера. У вас есть тридцать минут, чтобы подготовить сообщение.

Когда Литвинов вышел, Коба посмотрел на мое счастливое лицо.

– Какой же ты болван... – и прыснул в усы. – Да люди Лаврентия куда дельнее твоих. Только что он пришел, но уже наладил дело! Ну хоть что-нибудь дельное пишут твои шпионы?

Я хотел ответить.

– Нет, нет, – прервал Коба, – только не о политике... В политике они, как и ты... и как все мы – ничего не понимают. Лучше скажи, правда ли, что твой Гитлер – импотент?

– Вполне возможно, Коба. Знаменитая красотка Лени Рифеншталь безуспешно пыталась соблазнить его. Геббельс подкладывал ему молодых актрис – безуспешно. В Гитлера, как говорят, безумно влюблена фрау Геббельс – одна из самых красивых дам в Германии, но и она напрасно старалась. И сильно этим оскорблена. Теперь все чаще возмущается своим идолом. Говорит: «Вместо того чтобы ночью заниматься любовью, он безостановочно рассуждает. И заставляет свое окружение бодрствовать по ночам вместе с ним и выслушивать его бесконечные монологи...» – Здесь я запнулся. Коба, как известно, тоже работал по ночам и заставлял соратников делить с ним ночные застолья.

Коба, как всегда, понял и усмехнулся.

– Наполеон тоже бодрствовал по ночам. Есть люди, которым достаточно поспать два-три часа. Это гении. Например, Иван Грозный, Наполеон и... старики! Значит, этих фрау он не ебёт? Но кого же он дерет?

– Он знает о разговорах об импотенции и часто общается с девушками. В последнее время его видели в обществе некоей Зигрид фон Лаппус. Ей двадцать два, у нее потрясающая фигура и точеное личико.

– Твои с ней работали?

– Они быстро поняли, что это излишне. Там ничего нет и быть не может. Она закончила университет и, что весьма редко для красавиц, – умна, а фюрер ненавидит умных женщин... – Здесь я второй раз поперхнулся, вспомнив о вкусах Кобы.

Он и на этот раз милостиво улыбнулся.

– Бухарчик говорил, что товарищ Наполеон тоже не любил умных женщин. Ум – привилегия и обязанность мужчины, истинный мужик не может любить мужеподобных дам... Эх, Бухарчик, не ссал бы он против ветра, был бы сейчас живой. Итак, эта Лапочка – агитпункт, не более. Значит, и вправду никого не ебёт?

– Возможно, его единственной любовницей является смазливая дурочка из простонародья, некая Ева Браун. Он держит ее в Мюнхене на маленькой вилле, купленной на ее имя, или в Баварских Альпах на своей вилле в Бертехсгадене... Она именуется секретаршей Гитлера. В Берлине ей появляться запрещено. Ева плотно окружена спецслужбой, к ней не подойти на тысячу шагов.

– Значит, вы забыли: «Нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики...»

– Гитлер помешан на мерах безопасности.

Коба оживился, спросил с интересом:

– Берия говорит, что он лично разрабатывает правила для своей охраны?

– Точнее, он разработал одно и главное правило – *никаких постоянных правил*. Постоянно лишь одно: часто менять свои решения. Избегать распорядка дня. Если заранее объявлено, что он посетит выставку, значит, почти точно его там не будет. Поэтому четыре покушения военных, о которых сообщили наши агенты, провалились – он попросту не пришел в назначенное место! Никто не знает, в какую машину он сядет и куда направится в следующий час. Он появляется на людях так же внезапно, как и исчезает. В его машине сзади стоит прожектор, чтобы тотчас ослепить машину, которой удастся убрать сопровождение и пристроиться сзади... Во время его выступлений прожектора направлены на толпу, ослепляя возможных убийц. Все это – его выдумки!..

В кабинет начали входить члены Политбюро, начиналось заседание. Коба весело сказал мне:

– Пошел вон!

Он не забывал, как бы шутя, постоянно унижать меня.

Началось!

На следующий день Корсиканец сообщил мне удивительное: когда Коба давал указания Литвинову о военном союзе с западными демократиями, наш посол в Берлине нанес неожиданный визит в немецкое министерство иностранных дел. И будто подтверждая слова Муссолини, заявил: «Идеологические разногласия мало повлияли на наши отношения с Италией и не должны влиять на наши отношения с Германией! Россия не намерена пользоваться существующими трениями между Германией и странами Запада, и *нет причин*, по которым между нами не должны существовать нормальные отношения».

Я понял: Коба вступил в игру!

В это время стало ясно: Англия холодно отнеслась к предложению Кобы о военной конвенции. Чемберлен по-прежнему решил не допускать СССР к решению европейских дел.

Падение карлика

В апреле тридцать восьмого года по Лубянке пронесся слух: Ежова от нас забирают. Но такие слухи просто так не распространяют, за ненужные слухи у нас сажают. Все поняли: слух нужный!

Однако 8 апреля на заседании Политбюро малограмотный Ежов ко всем своим должностям получил еще одну, скромную – наркома водного транспорта. Я поинтересовался у Кобы этим странным назначением, но он только усмехнулся:

– Товарищ Ежов – ценный работник. Большому кораблю – большое плавание... на водном транспорте.

Правда, уже с конца апреля на Лубянке начались странные перетасовки.

Множество работников стали переводить от нас в этот ничего не значивший наркомат. Без всякой санкции Ежова были смещены и *арестованы* несколько его помощников.

С августа на Лубянке уже всюду трудился мой грузинский знакомец Лаврентий Берия, первый заместитель Ежова...

Вскоре после появления Лаврентия возник и все усиливался новый слух: добрый Коба ничего не знал о Терроре, творимом Ежовым. Лишь сейчас, с приходом Берии, ему открылась вся правда.

Слух креп, и я почувствовал в этом умелую руку моего грузинского друга.

В октябре Политбюро приняло грозное постановление, где отмечалось, что наряду с успехами НКВД, беспощадно разгромившего врагов народа и шпионскую агентуру иностранных разведок, упрощенное ведение следствия привело к *ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД*.

Все услышали в этих словах возмущенный голос нашего доброго Отелло, в очередной раз обманутого очередным Яго.

Финал разыгрался при мне.

В конце ноября в кабинете Кобы я докладывал о новом донесении из Берлина, когда в кабинет вошел Ежов. Следом за ним появились Молотов, кажется, Ворошилов и, конечно, Берия.

– Садитесь, товарищи, – сказал Коба. Велел мне прерваться и обратился к Ежову: – Что у тебя, Николай?

– Очень много сообщений о враждебных разговорах в среде наших писателей, Иосиф Виссарионович.

– К примеру? – хмуро спросил Коба.

Ежов вынул из портфеля бумагу и стал читать:

– Писатель Олеша в пьяном виде громко читал стихотворение: «История не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом...» Слушавшие стихи писатели пытались остановить его. Но он добавил новые строчки:

Он идет неизвестно откуда,
он идет неизвестно куда.
Но идет он, конечно, оттуда
И идет он, конечно, туда.

После чего прочел следующее:

Раз ГПУ, зайдя к Эзопу,

Схватило старика за жопу!
Смысл этой басни, видно, ясен:
довольно этих басен.

Затем пьяный прокричал: «Сейчас я наговорил на десять лет...»

– Ну и что ты решил?

– Как он сам просил, – улыбнулся карлик, – арестуем сегодня же.

– Не надо делать глупости, товарищ Ежов, – всё так же мрачно отрезал Коба. – Неужели не понятно? Искренний человек и известный писатель товарищ Олеша. На «десять лет» требуется человек поменьше. А здесь надо ждать, пока наговорит на пулю. Колобок катится и все больше становится, аппетитней. – Коба расхаживал по кабинету. – Оставьте товарища Олешу в покое. Стихи его прочитайте нам еще раз.

Ежов прочел по бумажке снова:

– «Он идет неизвестно откуда,/он идет неизвестно куда./Но идет он, конечно, оттуда/И идет он, конечно, туда...»

– Полезнейшие стихи, товарищ Ежов. Они должны были стать содержанием вашей работы. Все должны идти *оттуда* и *туда*... *От тебя* и *к тебе*... Это должен быть всеобщий маршрут. Непрерывный круг: служащие *сообщают* директору предприятия, секретарю парторганизации и в отдел кадров. И наоборот. Учителям доставляют информацию выборные ученики – староста, профорг и комсорг. И наоборот. Студенты следят за профессорами. И наоборот. Все следят за всеми. И это не надо особенно скрывать. Постоянный страх – разгневать пролетарское государство – должен стать бытом... И каждый писатель денно и ночью обязан повторять... как там про ГПУ?..

– «Раз ГПУ, зайдя к Эзопу, схватило старика за жопу!» – повторил Ежов.

– Вот это им надлежит помнить, как «Отче наш...». Только так мы создадим крепкое государство. Мы живем во враждебном мире. Наша власть будет относительно прочной, только когда вырастут два поколения рожденных при нашей власти... Те, кто родились до нас, – они в душе настроены так, как этот Олеша... Еще хуже в деревне! Ильич всегда говорил: «Дай хоть небольшую волю мужику, и он нас скинет». Но деревню мы уже, к счастью, крепко почистили. А вот в городе еще работать и работать над Олешами. И ни на секунду не ослаблять власть. В России уважают и любят силу. Только ее ценят. У нас «или Ивану в ноги, или Игнату в зубы...» – Он заходил по комнате.

Я не понимал, почему Коба говорил обо всем этом как о пожеланиях на будущее. Это давно стало настоящим. Ленинскую мечту «У нас каждый партиец – работник органов» мой великий друг давно перевыполнил. Теперь можно было говорить: «каждый гражданин...»

– И еще, – продолжил Коба. – Нам необходимо постоянно укреплять кадры. Пусть молодые люди, сдав экзамен на верность партии, отправляются в жизнь – руководить кафедрами в институтах, работать директорами или заместителями директоров заводов и фабрик. Мы учимся, товарищ Ежов, понемногу учимся... А вы, товарищ Ежов, учитесь?

И вдруг «Молотошвили»... закричал на Ежова!

Он кричал тонким голоском, что Ежов давно перестал учиться... Что писателей распустили. И страну – тоже! Наркомат внутренних дел – опора партии, карающий меч – буквально засорен агентами иностранных разведок.

Ежов сначала не понял, что происходит. Он прочувствованно поблагодарил Молотова, сказал, что и сам это осознает и сегодня же возьмется за Лубянку. Безумный карлик решил, будто объявляют новую волну террора.

– Как же вы будете чистить, – продолжал кричать Молотов, – если вы сами их туда привели? Только благодаря вам, вашей мягкотелости они там свили гнездо!

Ежов в изумлении уставился на Молотова, еще вчера славившего «железного наркома».

Тогда вступил Берия. Спокойным голосом с мягким акцентом принялся обвинять Ежова, но совершенно в обратном:

– Товарищ Ежов, ты осудил тысячи по добытым... точнее, *добытым* ложным показаниям. На тебе кровь сотен тысяч невинных людей. Ты истреблял лучшие кадры партии. Вон сидит наш друг, старый партиец товарищ Фудзи с выбитыми благодаря тебе зубами...

Ежов смотрел сумасшедшими глазами, ничего не понимая. Потом умоляюще-вопросительно поглядел на Кобу. Но тот молчал, невозмутимо курил трубку. Мой друг Коба не проронил ни звука.

Только когда Берия и Молотов наконец замолчали, он сказал мягко:

– Вот видишь, Николай, на прежних заслугах далеко не уедешь... не доверяют тебе члены Политбюро. Что тебе посоветовать в такой ситуации? Садись, дорогой, и пиши заявление в Политбюро: «Прошу освободить меня от обязанностей руководителя чекистов. В связи с постоянным нездоровьем руководить двумя наркоматами более не могу...» Других мнений нет, товарищи? Ну вот и хорошо... Пиши, дорогой, пиши.

Ежов начал писать, но от волнения у него не слушались руки.

– Помоги товарищу, ты ведь заместитель, – велел Коба Берии.

Берия написал заявление от имени Ежова. Тот... плакал.

Потеряв пост наркома, Ежов оставался секретарем ЦК и председателем страшной Комиссии партийного контроля.

Вначале он так же сидел на Лубянке, даже пытался по-прежнему вызывать сотрудников к себе в кабинет. Но сотрудников оставалось все меньше и меньше. Эти молодые люди, набранные в органы Ежовым, тоскливо слонялись по коридорам с обреченными, несчастными лицами. Их арестовывали каждый день. Прямо из кабинетов отправляли в нашу внутреннюю тюрьму. Новые люди Берии обслуживали их точно так же, как недавно делали это они со своими жертвами – пытки, мордобои, расстрелы...

Впрочем, многие, хорошо зная, что их ждет, спешили уйти сами. В великолепном, недавно отстроенном доме НКВД, где проживало высшее руководство, стало модным выбрасываться из окон! Мой вчерашний следователь выпрыгнул в окно одним из первых.

Откат террора происходил также через кровь...

Видел я в эти дни в коридоре самого Ежова. Быстро, как-то крадучись, пробежал он в свой кабинет. Вчерашний владыка судеб стал совсем крохотным.

В кабинете он просиживал теперь целыми днями, один у молчащего телефона. Живой, но уже мертвый.

Наконец Лаврентий попросил его освободить помещение. Ежов переехал в свой кабинет в наркомате водного транспорта. Там он продолжал сидеть в полном одиночестве. И ждать.

В январе я был у Кобы на даче. Коба читал какое-то письмо.

– Ах, мерзавец, что наделал!.. Вот, товарищ Литвинов описывает итоги. Оказывается, в девяти странах – США, Японии, Польше, Румынии, Испании, Литве, Дании, Венгрии, Болгарии – у нас отсутствуют полномочные представители. Всех расстрелял мерзавец Ежов! Из восьми отделов семь возглавляют временно исполняющие обязанности, – сокрушался Коба, – из высших должностных лиц наркомата семьдесят процентов арестовано! А сколько расстреляно?! И вы все молчали... Спрашивается: где раньше был сам товарищ Литвинов, почему не защищал свои кадры, своих друзей?! – Желтые бешеные глаза уставились на меня.

Но я выдержал! В моих глазах был тот же возмущенный вопрос!

Так мы привычно ломали комедию друг перед другом.

Но ничего не изменилось. Все это время как ни в чем не бывало продолжались приговоры и расстрелы верхушки партии и интеллигенции.

Расстреляны: первый заместитель наркома обороны маршал Егоров, член Политбюро генеральный секретарь компартии Украины Косиор, кандидат в члены Политбюро Постышев, начальник ГУЛАГа Берман, писатель Бабель, режиссер Мейерхольд, погиб в лагере поэт Мандельштам...

К уничтожению верхушки партии добавилось уничтожение верхушки ежовской Лубянки.

Сначала с улиц исчезли бесчисленные плакаты с портретами «батыра» Ежова. В те годы постоянных падений небожителей никому не нужно было объяснять, что это значит. У нас на Лубянке вместо них виднелись темные четырехугольники невыгоревшей краски. И это был тоже красноречивый портрет моей эпохи. Вскоре эти темные четырехугольники завесили портретами лысого человека в пенсне – моего знакомого Лаврентия... Что ж, я уже видел, как Ягоду заменил Ежов. Ныне со стен на нас смотрел Берия...

Я на месте Берии пожегся бы, глядя на свои изображения и вспоминая участь прежних героев. Но в те годы постоянного ужаса привыкли к ужасам. Впрочем, нас, тех, кто был свидетелем всех смен портретов на Лубянке, остались жалкие единицы, почти всех расстрелял заботливый Коба... Точнее, они расстреливали друг друга. Коба давно перевел Лубянку на самообслуживание. Сперва люди Ежова расстреляли чекистов Ягоды, творцов нашей горькой Революции. Сейчас люди Берии расстреливали людей Ежова... «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». Коба сделал эту пословицу заголовком нашей жизни. Я почти никого уже не узнавал в наших коридорах – не стало знакомцев (разве что кроме молодого, высокого красавца Судоплатова). Хорошо прополол Коба.

НКВД уничтожил старую ленинскую партию, теперь новая партия уничтожала НКВД.

Феникс из пепла

Как я уже писал, в марте 1939 года Коба собрал XVIII съезд. На нем подвел итоги. Точнее, это был смотр новой, созданной им партии.

Я не знаю, присутствовал ли Ежов на съезде. Формально должен был присутствовать, но, думаю, ему рекомендовали этого не делать.

Во время выборов в ЦК в списке кандидатов он был. Полагаю, для того, чтобы Коба мог выступить против.

– Пьяниц в ЦК не выбирают, – лаконично сказал Коба, подтвердив слух: он ничего не знал о репрессиях, все сделал Ежов.

Теперь многотысячные (скорее – миллионные!) армии наших стукачей повторяли этот слух, и он стал всенародным.

Я был не участником съезда, а «гостем» – смотрел на происходящее с балкона.

Помню, как Коба появился в президиуме. Зал... нет, не встал, молниеносно вскочил. Я увидел нынешний ритуал появления Кобы: «Делегаты, стоя, приветствуют товарища Сталина и устраивают ему продолжительную овацию». Одновременно раздавались возгласы. Специально подготовленные участники съезда (так называемая группа скандирования) дружно выкрикивали: «Ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Великому Сталину – ура!», «Нашему любимому Сталину – ура!»... И все это с яростным энтузиазмом подхватывал зал.

Зал был умный и хорошо знал, что степень энтузиазма каждого делегата оценивают множество глаз, она и есть теперь пропуск в жизнь.

Так думал я... Но я ошибался. Я не понял тогда: это был новый зал, полный непритворного, искреннего, единодушного счастливого восторга перед Ним!

Сегодня, размышляя обо всем этом, я вспоминаю гитлеровскую Германию. Безумный истерический восторг толпы, который начался после прихода Гитлера к власти... Причем не только мужской восторг. Адольфа Гитлера, заурядного некрасивого человечка со смешными усиками, немки прозвали «Прекрасным Адольфом». Его яростные речи превращались в эротический сеанс – женщины буквально сходили с ума. Как рассказывал наш агент, тысячи молодых немок писали ему безумные письма, умоляли переспать с ними, зачать ребенка.

Простодушные западные историки создали теории о сексуальной силе, спрятанной в *страстных* речах Гитлера.

Все потому, что они, глупцы, не слышали речей Кобы.

Коба выступал без всякого темперамента, скучно, занудливо, с сильным акцентом. Но поверьте, восторг в зале был не меньший. Все мужчины в каком-то счастливом воодушевлении слушали Вождя. Все женщины со счастливо-зачарованными, влюбленными лицами смотрели на Кобу. Это был тот же эротический сеанс... Массовый гипноз происходил не от заразительности речи Вождей, но от радости лицезрения *безграничной, беспощадной Власти*. Абсолютная Власть действует на народ абсолютно... «У Германии было влюбленное лицо женщины, нашедшей своего мужчину», – прочел я в британской газете. У нас тоже. Только наши девушки не смели писать Кобе любовные предложения, мы жили в аскетической стране.

(В первый и последний раз вмешуюсь в повествование Фудзи. В Дневнике знаменитого детского писателя Корнея Чуковского есть описание появления Сталина в Президиуме съезда комсомола 22 апреля 1936 года: «Что сделалось с залом!.. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем... Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства... Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему... Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью...». – Э. Р.)

Но вернемся на XVIII съезд. Коба выступил с доброй, отеческой речью. «Прямо и откровенно» сказал о «серьезных ошибках» НКВД». И устало, с печалью в голосе сделал вывод: «Ошибок оказалось больше, чем можно было предположить».

Подтвердил народно-лубянские слухи: о Терроре не знал! Обманули вредители!

Про Ежова – ни слова. Исчез – и все!

Коба сообщил съезду о новом достижении – небывалом омоложении кадров.

Я выписал цифры: на руководящие посты в государстве и партии выдвинуто полмиллиона новых партработников. Среди партийного генералитета сменились 293 из 333 секретарей обкомов и крайкомов. *Девяносто процентов новых руководителей были теперь моложе сорока лет.*

Так, под грохот аплодисментов помолодевшего зала Коба подвел итоги террора. Куда исчезли девяносто процентов старых руководителей – молодой зал не тревожило. Здесь сидело поколение, сменившее моих хороших знакомых – ленинскую гвардию «двuruшников и шпионов». Новый зал крепко выучил главное: только враг и вредитель может быть в оппозиции генеральной линии товарища Сталина.

На сцене находился и новый Президиум. Вместо истребленных вождей Октября – новые лица. И выглядели они тоже по-новому. Три толстяка: один повыше – Берия, и двое молодых – Никита Хрущев, круглолицый улыбчивый шут, и толстопузый, разительно похожий на жабу, – Маленков. Еще один пузатик, тоже круглолицый, с усиками – Андрей Жданов. Этот достаточно образованный сын царского инспектора народных училищ был несказанно исполнителем. Он стал преемником Кирова в Ленинграде. Было весьма комично слышать, как эти толстые люди пели наш партийный гимн – «Интернационал»: «Вставай, проклятьем заклеенный весь мир *голодных...*»

В Политбюро остались лишь трое моих прежних знакомцев, которым Коба разрешил жить: лысая махина с внешностью еврейского биндюжника – Каганович, похожий на смазливового полового в трактире – маршал Ворошилов и худощавый, в пенсне – Молотов, выглядевший на их фоне чеховским интеллигентом...

После выступления Кобы начались речи его новых соратников.

Жданов веселил съезд примерами безумия террора: «От врача требовали справку: «Товарищ имярек по состоянию своего здоровья не может быть использован никаким классовым врагом для своих целей». «Я выбился из сил в борьбе с врагами народа, прошу путевку на курорт»... Делегаты, принимавшие активное участие в нынешнем кровавом побоище, весело смеялись над побоищем вчерашним. Коба разрешил им это. Такова теперь была генеральная линия. Во всех речах соревновались в почитании моего друга, официально ставшего земным богом. «Гений новой эры», «мудрейший человек эпохи», «вождь всего прогрессивного человечества»...

Коба, сидевший в Президиуме, спокойно выслушивал все эти чудовищные восхваления. Ни его и никого в зале они уже не удивляли. Эти эпитеты рядом с его именем были столь же привычны уху, как, например, сочетания «синее небо» или «зеленая трава».

На съезде присутствовали и старые партийцы – те немногие, которым он разрешил жить. Старых большевичек представляла Коллонтай. Ее коллеги, старые большевички, – кто был расстрелян, кто умер или умирал сейчас в лагерях. Да и она, любовница и сподвижница расстрелянных героев Октября, чудом спаслась. Ежов уже составил на нее дело о шпионаже, но хозяйственный Коба велел не трогать ее из-за благородной внешности – требовалась для представительства на Мавзолее. Остался в живых и толстый, страдавший одышкой Бонч-Бруевич, которому Коба поручил прославлять только что написанный под его руководством «Краткий курс истории ВКП(б)». (Это была новая История партии, где все ее основатели, вчерашние вожди Революции, объявлялись предателями и убийцами. Коба помнил, как мы учили

Библию в семинарии. Вот так ныне вся страна обязана была ежедневно учить эту новую Библию. Библию от Кобы.)

Сохранил жизнь он еще одному отцу Октября – Подвойскому, которому была доверена миссия: рассказывать о великой роли Кобы в Октябрьском перевороте. Впрочем, большинство тех, кто употреблял слово «переворот», лежали с пулей в неизвестных могилах. Вчерашний «переворот» именовался нынче «Великой Октябрьской социалистической революцией». Так его называло новое поколение, так его звала моя дочь...

Оставил он в живых и нескольких партийных старцев. Они должны были повествовать о «Великой дружбе» – дружбе Ленина и Кобы. И они исправно делали это!

Итак, все было на своих местах: в храме новой религии, Мавзолее, лежали нетленные мощи Боголенина; на Мавзолее на каждом празднике страна видела живого бога – моего друга Кобу. И все остальное время учила новую святую книгу – «Краткий курс истории ВКП(б)».

Естественно, были написаны и новые учебники истории. По одному из них училась моя дочь. Вместо прежних проклятий «царская Россия – тюрьма народов» провозглашались идеи, от которых переворачивались в гробах расстрелянные старые революционеры. Все завоевания русских царей объявлялись прогрессивными, отвечающими интересам... завоеванных народов!

Последние перемены я увидел воочию на концерте в честь XVIII съезда, состоявшемся в Большом театре. Перед началом в одной из лож появились... казаки! Казаки, бывшие для нас олицетворением павшей Империи, символом расправ над революционерами! Они разгоняли нагайками демонстрации, составляли доверенную царскую охрану... И вот теперь они, в ненавистной нам форме царского образца с серебряными аксельбантами, сидели в зале вместе с делегатами съезда нашей партии!

И никакого шума! Коба научил нас безмолвствовать.

Рядом со мной сел один из уцелевших старых партийцев Кр-ский. Он не удержался, сказал мне:

– Над могилой партии рождается Империя. Тень Бонапарта не дает кому-то покоя.

Я, конечно, ничего не ответил. Он говорил шепотом. Но... слушали даже кресла!

Через несколько дней во дворе нашего дома ко мне подошел Солыц.

– Попросите вашего друга Кобу, чтобы велел отдать мои тетрадки. – И дико захохотал. – К чему это я? – Глаз его потускнел, он растерянно сказал: – Не помню, – и пошел прочь, потом спохватился и закричал: – Арестовали Кр-ского! У него были мои тетради с воспоминаниями об Октябре! Я их дал ему почитать! Их забрали при аресте! Пусть немедленно вернут!

Последняя встреча с карликом

Ежов просидел в своем кабинете в наркомате водного транспорта, по-моему, целый год. Говорили, что в апреле ему позвонил Лаврентий и попросил оставаться дома.

Дома его и взяли – 10 апреля. Никаких объявлений в газетах не было.

Но в нашей Лубянской внутренней тюрьме, куда свозили высокопоставленных врагов народа, он не появился. Я решил, что его попросту застрелили во время ареста. Но, оказалось, ошибся.

В очередной раз меня вызвал Коба.

Принял меня с улыбкой:

– Ну что, жить стало лучше, жить стало веселей? Специальная партийная комиссия познакомилась с ежовскими делами. Триста двадцать семь тысяч мы уже выпустили... – (Выпускать теперь было можно – ленинскую «верхушку» расстреляли.) – И кого там только нет! – продолжал негодовать Коба. – Офицеры, прошедшие школу мировой и Гражданской, так нужные сегодня, знаменитые ученые, конструкторы военной техники. Всех под шумок процессов над выродками отправил в тюрьмы, подонки. Разоружал как мог страну, негодяй. Стольких зря уничтожил, подлец! И скольких собирался! – (Негодовал он, поверьте, совершенно искренне). – Скольким зубы повыбивал, маленький урод. – И с усмешкой: – Ты хоть зубы вставил! – и прибавил совсем весело: – Береги их, чтоб не пришлось опять... вставлять... Говорят, даже меня арестовать собирался, – прыснул в усы. – Мерзавца отправили в Сухановскую тюрьму. Он там прежде ад устраивал, сукин сын. – Коба пристально смотрел мне в глаза. Но в который раз повторяю – у меня была хорошая школа: ни один мускул не дрогнул, когда я слушал паясничанье друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.